

годинского и ему аналогичных сборников оригиналом содержащейся в них фацеции «О дураке» мог служить именно этот немецкий текст — вероятно, какая-то из его перепечаток. Если так обстояло дело, то она является не переводом, а вольным пересказом.

Лексические совпадения рассказа Новикова с рукописной фацецией состоят из обязательных для данного сюжета слов (дурак; дурачество — дураческая, дурачья, дурачески; книга, записывать, арап, десять тысяч червонных, лошади и др.), которые не являются признаком текстуальной связи, поскольку могли в каждом из этих пересказов анекдота появиться как закономерные переводческие соответствия иноязычным оригиналам. Однако из этого «стандартного» ряда выпадают типично русский оборот «что кто сделает» (в фацеции: «ежели кто ис придворных что смешное молвит или что дурачески зделает») и неожиданный глагол «приедет», который вряд ли мог возникнуть независимо у двух лиц в качестве привычного соответствия французскому «revenir» или немецкому «wiederkommen». Эти два неординарные совпадения подтверждают, что Новиков был на самом деле знаком с фацецией «О дураке» и держал ее перед собою, когда работал над своим рассказом «О шуте, бывшем у персидского шаха». Вместе с тем в тексте, вышедшем из-под его пера, есть особенности, дающие основание предполагать, что она была не единственным вариантом анекдота, находившимся в его поле зрения.

Компилятор погодинского сборника передал дважды фигурирующий глагол «wiederkommen» сказуемыми «придет» и «приедет», Новиков употребил в первом случае «возвратится», что является точным переводом и французского, и немецкого глаголов. Разумеется, это очень естественное и подходящее для описываемой ситуации слово могло быть подобрано без влияния или подсказки какого-либо иностранного текста; однако в равной мере возможно, что здесь имел место перевод. Если бы этот гипотетический и по отношению ко всему объему рассказа незначительный след иностранного языка был единичным, никакого вывода — ни уверенно положительного, ни категорически отрицательного — сделать было бы нельзя; но в тексте Новикова есть еще один мелкий фрагмент, где проглядывает иностранная основа. В рукописной фацеции «дурак» заносит в свою книгу глупые поступки и речи «*придворных*», шут персидского шаха «присматривал за *вельможами и знатными двора служителями*» (курсив мой. — В. Р.), что прямо соответствует и французскому «...des gentilshommes et des seigneurs qui hantaient la Cour...», и немецкому «die Herren und Edelleut, so den Hof besuchten...» — с обычной для Новикова перестановкою слов. Такое совпадение в отличие от предыдущего не могло возникнуть случайно, так что факт обращения Новикова к иноязычному тексту рассказа об Альфонсе V и его шуте можно считать установленным.

Вместе с тем вполне вероятно, что компилируя (теперь это можно сказать с полной определенностью) рассказ «О шуте, бывшем у персидского шаха», Новиков привлек еще один «бродячий» анекдот на тот же сюжет, печатавшийся под заглавием «Смелый ответ секретаря своему хозяину» («*Repartie hardie d'un secrétaire à son maître*»).²³ Здесь речь шла